

27

ПОРА НАЧИНАТЬ ЦВЕСТИ

JK .

27: пора начинать цвести

«Автор»

2026

. J.

27: пора начинать цвести / J. . — «Автор», 2026

В двадцать семь лет мир кажется слишком сложным. Четыре девушки живут в огромном городе, работают в редакции, верят в любовь и мечтают о справедливости. Но жизнь учит их иначе. Это история о том, как люди исцеляют друг друга не словами, а присутствием. Как боль становится мостом между сердцами. Как в самой тёмной ночи зажигаются жёлтые гирлянды надежды. Это история о трех девушках, которые научились жить. Не просто существовать — жить. И о людях, которые выбрали остаться рядом, когда всё рушилось. Потому что в двадцать семь лет жизнь — это не конец. Это — время начинать цвести. Посвящается каждой девушке, которая думает, что всё потеряно. Нет. Всё только начинается.

Содержание

Глава 1. Двадцать семь	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4. Разоблачение	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ЖК .

27: пора начинать цвести

Глава 1. Двадцать семь

Пролог

Наверное, каждому из нас хотя бы раз приходилось спрашивать себя: «Почему жизнь такая сложная?» Кто-то в двадцать, кто-то в двадцать пять, а я — в двадцать семь.

Однажды мне сказали: если ты задаёшь этот вопрос, значит, ты живёшь. Значит, ты всё ещё чувствуешь. Жизнь похожа на море: иногда штиль, иногда шторм. И то, что сейчас трудно, — не всегда плохо. Иногда это просто момент перед переменами, момент, когда ты стоишь на перепутье и ищешь своё.

Тот, кто ищет, уже на шаг ближе к себе настоящему. Иногда сложности — предвестник чего-то большого. Ветер перемен сначала пугает, а потом наполняет паруса.

А жизнь иногда похожа на цветок. Долгое время он растёт под землёй, незаметно для мира, набирается сил, терпит холод и тьму. А потом однажды начинает распускаться, лепесток за лепестком. И, возможно, двадцать семь — это как раз то время, когда пора начинать цвести.

ГЛАВА 1. Двадцать семь

Осень 2026, офис редакции

Понедельник, 8:45 утра.

— Девочки, вы идёте? — выглянула Наз из-за перегородки. Её голос был натянутым, как ненужно закреплённая верёвка.

— Я без завтрака вообще не человек.

Жанель уже стояла со своей сумкой, готовая отправиться куда угодно.

— Идём, — улыбнулась она. — Это уже традиция.

Айлин сидела неподвижно перед монитором, ещё не двигаясь. На экране было письмо от читателя: "Спасибо. Вы помогли мне понять, что я не одна."

Фраза, которая месяц назад вызвала бы улыбку, теперь казалась чужой, как если бы её написал кто-то другой.

— Айлин? — голос Жанель был осторожнее обычного.

— Я с вами, — ответила Айлин, щёлкая по кнопке "выход". — Просто... ночь была."

— Опять не спала?" — Наз уже знала ответ. "Что-то вроде того."

Это была полуправда. Она спала, но спал ли её ум? Её сердце? В двадцать семь кажется, что если ты просыпаешься не от уведомления о чьём-то чувстве, значит, ты что-то упускаешь.

Кофе в офисном буфете был, как всегда, горечью с намёком на утечку канализации.

Они пили его молча.

— Я иногда думаю, что я так и останусь одна..., — выдохнула Жанель, обхватывая чашку обеими руками.

Айлин посмотрела на неё и узнала себя в этом взгляде. Страх, замаскированный под шутку.

— Всё меняется быстрее, чем мы успеваем привыкнуть, — сказала Айлин.

— Ты всегда это говоришь, — улыбнулась Наз, но в её улыбке не было радости.

— Потому что это правда.

Но Жанель не сдавалась:

— Но почему тогда работа занимает всё? Почему это единственное, что остаётся в конце дня? Как будто кроме неё ничего нет. Как будто мы отдали ей все своё время и больше ничего не осталось.

Её слова повисли в воздухе.

— Потому что мы сами отдаём ей всё время, — сказала я, видя, что Наз кивает. — И не оставляем ничего себе. Мы бегаем в кругу, думая, что это движение. Но это просто бег на месте.

Жанель открыла рот, как будто хотела что-то ещё сказать, но потом закрыла его.

— Я вчера у ChatGPT спросила, — неожиданно сказала она. — Спросила: почему я такая одинокая, когда кругом люди? И знаете, что он ответил?"

— Что? — спросила Наз.

— «Ты есть у самой себя».

В кабинете раздался смех.

— Ну всё, приехали, — рассмеялась Наз. — Искусственный интеллект теперь философ. — Она помолчала. — Хотя... может быть, он прав? Может быть, мы действительно забываем про себя?

Айлин смотрела на них и понимала: нам по двадцать семь, и мы всё ещё пытаемся разобраться в том, кто мы на самом деле. Мы можем позволить себе жаловаться, мечтать, отчаянно что-то хотеть. Это последний возраст, когда это разрешено.

— Айлин, почему ты так много думаешь? — спросила вдруг Жанель. — Это видно по твоему лицу.

Айлин улыбнулась ей. И подумала о том, почему она всё ещё одна. Неужели на всей планете не нашлось ни одного человека, который был бы её?

Это было честно. Слишком честно для офиса, но они были ей как сёстры.

— Девочки, за работу, — сказала Наз, глядя на часы. — У нас день не кончается.

Жанель вздохнула:

— У меня сегодня просто завал писем. Как я всё успею?

— У всех завал, — ответила Наз, и в её голосе была такая усталость, что это было слышно даже сквозь экран. — Давайте включаться.

Но перед тем как вернуться к работе, Жанель предложила:

— Может, сначала гороскоп? Это же помогает, правда?"

— Ну давай, — согласилась Айлин, хотя знала, что гороскоп — это просто способ откладывания неизбежного.

Жанель открыла приложение:

— «Сегодня хороший день. Постарайтесь не принимать импульсивных решений на работе. Вечером вас ждёт неожиданная встреча». — она поднялась от стола. — Интересно, где эта встреча и с кем?

— Хорошо, что у нас дни рождения в одном месяце, — сказала Наз. — Иначе мы бы сидели здесь до закрытия, читая по очереди про свою судьбу.

— Всё, хватит, — Жанель закрыла телефон. — Работа сама себя не сделает. И офис закроется, если мы весь день будем про судьбу разговаривать.

Наз ушла в кабинет начальника. Они слышали, как его голос повысился:

— Наз, почему так поздно? Это должно было быть готово ещё вчера! Ты понимаешь, сколько раз мне звонили? Сколько раз?

— Письмо пришло поздно вечером..., — услышала я её голос, тонкий и испуганный. — Я не знала, что оно такое важное.

— Значит, надо было остаться и сделать! Ты же профессионал, нет?

— У меня сын дома один..., — начала Наз, и голос её дрожал.

— Не успеваешь сама — проси подруг. Вы же всегда вместе! Не моя проблема, что у тебя личная жизнь!

Дверь захлопнулась.

Наз вернулась, и её лицо было маской. Та самая маска, которую мы все надевали каждый день, чтобы не разрушиться окончательно.

— Он меня просто выводит, — сказала она, тяжело выдыхая. — Я всё сделала с утра, я закончила до обеда. Но ему всё равно мало. Всегда мало.

— Он всегда так, — кивнула Жанель, кладя руку ей на плечо. — Сначала тянет, тянет, а потом ищет виноватых. И виноватый, конечно, всегда ты.

— Ладно, забудем. — Наз смотрела в пустоту. — Что у нас сегодня на обед?"

— Вот это уже хороший вопрос, — улыбнулась Айлин. — Хороший вопрос потому, что это единственное, что остаётся в нашей жизни: еда, дружба и надежда на то, что завтра будет лучше.

Одна из самых простых радостей в двадцать семь — это возможность просто сидеть вместе, есть, смеяться. Без спешки. Без давления начальника. Без телефонов, которые постоянно звонят. Просто быть.

Вечер. Офис пустеет.

— Ну что, девочки, разбегаемся? — спросила Наз, собирая сумку. — Завтра то же самое?

— Пойдём, — кивнула Жанель. — Дома тоже дела ждут. И Арманчик, наверное, скучает по маме.

Каждая из нас уходила в свой уголок. Наз — домой, к сыну, который всё этот день ждал её. Жанель — в квартиру, где её ждали стирка, посуда, одиночество. Айлин возвращалась туда, где ждали только стены и её собственный голос в голове.

Я зажгла лампу дома. Открыла блокнот. Слова потекли на бумагу сами по себе — мысли, тревоги, всё, что я не смогла сказать вслух. Каждый абзац был шагом к себе, каждый пункт был попыткой понять, кто я такая и зачем я здесь.

И пусть в комнате никого нет, этот честный диалог с собой был моим личным моментом истины. Единственный момент, когда я могла быть совсем собой.

На столе стояла фотография. На ней нас четверо. Счастливые, молодые, ещё не знающие, что время бывает беспощадным. Ещё не знающие, что боль может прийти в один момент и все изменить. Я смотрела на эту фотографию и вспоминала.

Иногда люди не справляются. С возрастом, с трудностями, с внутренним хаосом. Мы верим, что если пройдем через этот тёмный этап, найдём смысл, который даст нам силы жить дальше. Мы верим в это, как верят в чудо. Но что если чуда не будет? Что если человек просто... не справится?

Она не справилась.

Фотография смотрела на меня, и в её глазах отражались наши страхи и наша общая потеря. Это напоминание: цени каждый миг, пока ты можешь дышать.

Пока люди рядом. Пока дверь ещё открыта.

Потому что потом может быть слишком поздно.

Глава 2

ГЛАВА 2. СПАСЕНИЕ

Они начинали как простые коллеги.

Короткие «привет» в коридорах, дежурные фразы на совещаниях, вежливые кивки когда пересекались у кофемашины. Четыре женщины в одной редакции, каждая со своей историей, каждая со своей раной, которую никто не видел.

Но постепенно лёд таял.

Может быть, это случилось потому, что они заметили друг друга в момент слабости. Может быть, потому, что в городе, полном чужих лиц, они узнали друг друга как своих. Разговоры становились глубже. За кофе, во время обеда, вечером в квартире, когда никто уже не слушал — они открывали друг другу свои страхи и мечты.

Айлин признавалась за вечерним чаем:

Я всегда хотела писать книги. Не статьи, не репортажи. Книги. Чтобы люди читали их ночью, когда им одиноко, и чувствовали, что они не одни.

Жанель, устало опираясь на локти, говорила:

А я хочу просто покоя. Чтобы без ругани, без криков, без страха. Просто тишина. Одна маленькая комната, где никто никогда не кричит.

Наз строила планы на будущее с мужем Арманом — детей, может быть, двоих. Дом с садом. Жизнь, которая будет похожа на жизнь.

А Айна?

Айна просто молча улыбалась. Её кроткая, печальная улыбка, которая была у неё с детства. Но её глаза говорили больше любых слов. В её взгляде была способность видеть людей такими, какие они на самом деле. Понимать их без слов. Она понимала их без остатка.

В тот момент Айлин осознала правду, которая позже будет больнее любого удара: среди огромного холодного города, в бесконечном круговороте суеты и дедлайнов, они нашли друг друга. Они стали не просто подругами. Они стали чем-то большим — опорой, якорем, домом.

Эти маленькие моменты — общий смех, когда одна говорила что-то глупое, поддержка в трудный час, совместные обеды, когда можно было на минуту забыть о начальниках и проблемах — превратились в нечто прочное и настоящее.

То, что не разрушить рвением или временем.

С ними можно было мечтать смело. С ними можно было проходить через любой шторм, не теряя себя.

Они жили вчетвером в большом старом частном доме, который арендовал Арман. Дешевле было так, чем снимать четыре отдельные квартиры. Но это был не расчёт. Это была необходимость.

Нам просто нужно было чувствовать, что мы не одни в этом огромном городе.

Они были как лоскутное одеяло: разные ткани, разные цвета, каждая со своими трещинами, со своими дырами. Но вместе они были тепло. Вместе они были дом.

Осень 2023. Вечер.

В гостиной пахло чаем и свежевывстиранным бельём. Айлин и Айна сидели на старом диване, окружённые бумагами и ноутбуками — готовились к завтрашнему дню, к статьям, которые нужно было закончить, к дедлайнам, которые давили.

На кухне была Наз, готовила ужин. Звук ножа по доске, запах лука и помидоров были как напоминание о нормальности, о том, что жизнь идёт своим чередом.

И был Арман. Он сидел у окна, читал газету, но на самом деле он просто создавал ощущение спокойствия и защиты. Именно это он делал с того дня, как они познакомились с Наз. Он

рос в приюте — сиротой, забытым судьбой, но вышедшим из этого с чудом сохранённой способностью любить. Для него их шумный, хаотичный быт был настоящим сокровищем. Семья, которую он потерял когда-то, теперь была здесь, под этой крышей.

Он оберегал их дом так, будто это была хрупкая вещь, которая может рассыпаться в прах.

Телефон Жанель вибрировал на столе уже в десятый раз. Она смотрела на экран с выражением, которое было смесью тревоги и тоски. На её лице была такая борьба, что казалось — ещё немного, и телефон зазвонит громче, и она разломается окончательно.

Жанель, ответь, — сказала Наз, вытирая руки о фартук. — Вдруг что-то случилось? Вдруг это важно?

Да, просто послушай их, — мягко добавил Арман. — Может быть, это то, что нужно услышать.

Жанель долго молчала. Потом тяжело вздохнула:

Хорошо. Я выйду на балкон.

Когда она вернулась двадцать минут спустя, её лицо было бледным. Не просто бледным — белым, как пепел. В её глазах был страх, которого они здесь никогда не видели.

Они просят меня приехать, — произнесла она, и в её голосе не было эмоций. — В родной город. Домой.

Всё в порядке? — Айлин подняла голову от ноутбука. — Жанель, что случилось?

Да... просто папа хочет поговорить. Впервые за много лет он хочет со мной поговорить. Как будто это нормально. Как будто он не разрушил всё.

Айна встала с дивана и подошла к Жанель. Её движения были медленными, мягкими, как движения кого-то, кто боится напугать раненого животного.

Жанель, может, это шанс, — сказала она тихо. — Попробовать наладить отношения. Они всё-таки твоя семья.

Айна всегда верила в лучшее. Она была сердцем их компании, той, кто до последнего момента ищет свет в темноте, даже когда темнота уже поглотила всё вокруг.

Жанель неопределённо пожала плечами:

Не знаю... я подумаю. Может быть, это ловушка. Может быть, это способ вернуть меня туда, чтобы я снова стала их жертвой.

Съезди, — решительно сказала Наз. — Если что-то пойдёт не так, если даже намёк на опасность — просто напиши. Мы приедем. Все. В ту же ночь.

Да, только дай знак, — подтвердил Арман, и его голос был железом. — Знак — и мы едем.

Жанель уехала в родной город.

Первую неделю от неё приходили спокойные сообщения. "Всё нормально", "Папа старается", "Дома тихо". Они радовались за неё. Все трое. Потому что в них жила надежда, что люди могут измениться, что семьи могут исцеляться, что прошлое не обязательно должно быть будущим.

Они хотели верить, что всё действительно может измениться.

Но реальность оказалась другой.

Жанель перешагнула порог дома своего детства и сразу всё поняла. Запах перегара — острый, навязчивый, тот самый запах, который ассоциировался с её детством, с ночами, когда она пряталась под одеялом и надеялась, что её не найдут. Застоявшийся воздух, который кажется, стоит в домах, где люди давно перестали проветривать — духовно и физически. Тяжёлая, липкая тишина, которая предшествует шторму.

Мама была на кухне, как всегда. Как тень, суетилась, стараясь быть незаметной. Её движения были экономными, почти извиняющимися. Такими движениями двигаются люди, которые привыкли занимать как можно меньше места.

Папа закрылся в своей комнате с очередной бутылкой.

Неизменно. Предсказуемо. Как закон природы.

Зачем вы меня звали? — голос Жанель сорвался почти сразу, как только она поняла, в чём суть. — Зачем?! Чтобы я снова всё это увидела? Чтобы я снова вернулась в этот кошмар?

Жанель... мы не справляемся..., — прошептала мать, не поднимая глаз. Её голос был голосом поражения.

Мам, перестань. Это не ты не справляешься. Это он. Почему ты всегда о себе не думаешь? Почему ты всегда выбираешь его?

Как я его оставляю?.. — в этом вопросе была вся её боль, весь её запас любви, которая была направлена на человека, который её не стоил.

Ссора вспыхнула мгновенно, как спичка, брошенная в бензин. Крики, взаимные обвинения, слова, которые ранят сильнее любых физических ударов. Голос отца, который всё громче и громче, который заполняет дом, как вода, затопляя всё на пути.

Куда ты её заберёшь?! — орал отец, вываливаясь из комнаты, опираясь на стену. — Она никуда не поедет! Она меня не бросит!

Жанель смотрела на этого человека, который когда-то был её отцом, и видела только руины.

Взрослые часто думают только о себе. Они замечают, как их «любовь» или их слабость ломают собственных детей. Они думают, что дети — это глина, которую можно лепить, и не понимают, что они создают трещины, которые останутся на всю жизнь.

Жанель не смогла уехать на следующий день.

Она осталась. Попыталась спасти мать, попыталась склеить то, что уже давно превратилось в пыль, что уже давно было за пределами спасения. Неделю за неделей она пыталась найти слова, которые бы смогли изменить этого человека, найти ту часть его, которая когда-то была отцом. Но отца давно уже не было.

Через месяц Наз получила короткое сообщение: «Заберите меня. Мне плохо.»

Всё. Больше ничего. Просто пять слов, которые были криком о помощи.

Они поехали сразу. Все вместе. Не обсуждая, не раздумывая. Наз, Айлин, Айна.

Арман был за рулём, его лицо стало жёстким и сосредоточенным. Он, который обычно улыбался, который обычно был спокойствием и теплом, теперь был решимостью.

Потому что он знал, что такое потеря. Потому что он вырос в доме, где никто не приехал спасать, и он не позволит этому повториться. Когда они вошли в дом Жанель, нас буквально обдало холодом.

Внутри всё было разгромлено. Битая посуда на полу, как осколки взорвавшейся жизни. Перевернутые стулья. Пятна на стенах, которые лучше не рассматривать.

Хаос — полный, абсолютный, несомненный.

Отец лежал в беспомощности на полу, бутылка рядом, опрокинутая, пустая.

Мать спала в соседней комнате — измождённая после бессонной ночи, истощённая, как тряпка, которую выжали до последней капли.

А Жанель...

Они нашли её в углу комнаты. На полу. Она сидела, обхватив колени, сжавшись в комок, как будто так она могла исчезнуть. Маленькая, беззащитная, в этот момент перед ними была не взрослая девушка двадцати четырёх лет. Перед ними была напуганная девочка, которой она когда-то была в этом доме.

Арман молча подошёл к ней. Помог встать. И просто вывел из этого ада. Никаких слов. Просто действие. Потому что слова были бесполезны.

В тот день они ещё не знали, что скоро их собственный «безопасный дом» тоже перестанет существовать. Что в спокойствии их жизни уже зреет буря, которая изменит всё.

Всю дорогу в машине стояла тишина.

Плотная, почти осязаемая тишина, которая давит на уши. Арман смотрел только на дорогу, его руки были крепко сжаты на руле. Наз смотрела в окно. Айлин и Айна держали Жанель за руки, как будто пытались передать ей хоть немного устойчивости, хоть немного той уверенности, что они её не бросят.

В моменты крушения отчаянно нужны родители. Те самые взрослые, которые обнимут и скажут: "Всё закончилось, ты в безопасности, я тебя защищу." Но когда вместо опоры — руины и пустые бутылки, когда вместо защиты — крики, тебе приходится самому становиться взрослым для себя.

Травмы — это эхо чужих решений. Оправдания вроде "я не справился" или "жизнь была жестока" звучат как объяснение, но не снимают ответственности.

Это всё равно выбор — поддаться и утянуть за собой тех, кто рядом, тех, кто верил в тебя.

Но Жанель...

Её решение удивляло людей, которые её знали. Она не стала "хорошей дочерью", которая жертвует собой ради чужой слабости, ради чужого алкоголизма, ради чужей неспособности быть родителем. Она не вернулась в этот дом.

Она смогла уйти.

Не смирилась. Не согласилась с ролью спасителя, которая уже давно была ей отведена.

И это была её первая настоящая победа — выбрать себя. Даже когда за это нужно было пожертвовать всем. Даже когда это было больше любого удара.

Дома они окружили Жанель тишиной. Не просто молчанием, а тишиной особенной, бережной — той, которая приходит, когда люди любят друг друга. Уложили её спать, укрыли одеялом, как хрупкую вещь, которую боятся сломать. Мы и сами провалились в сон почти сразу, истощённые этой поездкой, этим днём, когда они спасали одну из своих.

Но Айна осталась рядом с Жанель дольше всех.

Она сидела на краю кровати, поправляла одеяло, хотя оно не нуждалось в поправках. Тихо что-то говорила — невозможно было услышать слова, но голос её был как колыбельная. Словно она держала Жанель за руку даже во сне, даже когда та уже погрузилась в забвение.

Айна всегда была такой.

Глава 3

ГЛАВА 3. Наш мир

Утро.

За окном просыпался город — гудели машины, звонили телефоны, люди торопились в разные стороны. Жизнь продолжалась, безразличная к их боли.

В коридоре старого дома была привычная суета: чайник, который свистел и гремел, запах кофе, поиски ключей. Звуки нормальной жизни.

Айна провожала их к двери. Она была бледнее обычного, и в её глазах не было привычного спокойствия.

Возьмите ключи, — тихо сказала она. — Она пугается, когда кто-то стучит. Резкие звуки... Пусть у каждой будет свой ключ, чтобы заходить тихо. Чтобы не напугать.

Это были мелкие заботы, которые казались пустяками, но они были обо всём.

Да, мы взяли, — ответила Айлин, проверяя сумку.

Но она посмотрела на Айну. Айна стояла в дверном проёме, хрупкая, внимательная, как будто слышала больше, чем остальные. Её руки были крепко сжаты на груди. В тот момент она думала только об одном — о Жанель. О том, как защитить её от лишнего звука, от лишнего страха, от мира, который был слишком жестоким для такой нежной души. Она всегда думала о них.

О своих девочках, как она называла их в тихие моменты. Даже когда сама носила в себе что-то страшное, что-то, что грызло её изнутри.

Они ушли на работу с ощущением, что дом снова стал крепостью. Казалось, пока они вместе — пока у них есть друг друга — им ничего не страшно.

Что может быть страшнее, чем уже было?

На работе всё шло своим чередом.

Звонки, отчёты, привычная суета, которая была как песок в часах. Часы уходили, а жизнь оставалась на месте. Наз и Арман уходили вместе, как всегда, как они ходили каждый день вот уже три года.

Они были не просто парой.

Глядя на них, люди верили в то, что любовь — не что-то далёкое и книжное, не мечта, которая развеивается с утром. Любовь — это когда двое смотрят в одну сторону и строят свой мир. Шаг за шагом. День за днём. Даже когда мир вокруг разваливается.

Арман держал дверь офиса для Наз. Наз смотрела на него с такой нежностью, что казалось — даже если весь мир упадёт, они справятся. Никто не знал, что Арман всего несколько часов назад спасал одну из девочек от её же семьи. Что в нём живёт боль приюта, который остался позади, но никогда не отпускал его полностью.

Но он улыбался. Потому что это было его призванием — быть сильным для тех, кто слаб.

Вечер. Они решили устроить для Жанель праздник. Маленький праздник, небольшой, но праздник. Нужно было вымыть из её памяти холод того дома, стереть запах пыли и страха, который прилипал к коже.

Показать ей: жизнь может быть другой. Показать ей, что у неё есть они. И этого должно быть достаточно, чтобы начать заново. Двор их старого дома преобразился.

Они развесили гирлянды — жёлтые, мягкие огоньки, которые казались живыми. Эти огоньки превратили обычный осенний двор в сцену из доброго фильма, из того мира, который существовал только в их мечтах.

Арман занялся шашлычком. На него было смотреть, как он готовил: в такие моменты в нём появлялось что-то спокойное, что-то уверенное, что-то, что исходило из глубокого понимания того, что еда — это любовь, которую можно держать в руках.

Он готовил как молился.

Айлин и Айна накрывали на стол, расставляли тарелки, смеялись над мелочами — как они всегда делали. Наз на кухне колдовала над салатами, не щадя овощей, готовила, как готовят люди, которые знают, что еда может исцелить.

И когда они сели под гирляндами, казалось, что весь остальной мир — с его проблемами, с его начальниками, с его жестокостью — остался где-то далеко, за забором. За высокой стеной, которую они соорудили своей любовью.

Нам нужно всегда жить вместе, — вдруг сказала Наз, оглядывая их.

В её глазах отражались огоньки гирлянд, и она казалась маленькой девочкой, которая верит в волшебство.

Наз, ты серьёзно? — рассмеялась Айлин. — Мы что, и с мужьями, и с детьми будем впятером в одном доме? Это невозможно.

Тогда придётся купить виллу, — спокойно подхватил Арман, переворачивая мясо на решётке. Дым поднимался вверх, унося с собой запахи и мечты. Он посмотрел на Наз с той мягкостью, которая не оставляет сомнений в том, что он готов построить для неё целый мир. — Большую. С садом. Чтобы всем хватило места.

Чтобы каждая была дома.

Жанель, впервые за долгое время расслабленная, впервые за долгое время не боящаяся, тихо вставила:

А я вообще замуж не пойду. Буду вашим самым старшим и капризным ребёнком. Будете меня нянчить, и я буду вас мучить, — её смех был живым, настоящим, как вода после засухи."

Они рассмеялись. Смех был лёгкий, звонкий — такой, каким смеются люди, которые уверены, что впереди у них ещё очень, очень много времени. Что смерть — это что-то, что происходит с другими людьми, в других домах, в других жизнях.

Нет, — Айна мечтательно подперла подбородок ладонями. В её глазах горел огонь надежды — последний, самый опасный огонь. — Я выйду замуж первой. Приведу его к вам... познакомлю со всеми. И... я очень хочу быть мамой. Хочу дочку. Буду растить её как маленькую принцессу. Буду учить её быть добрей к миру, чем я была.

Думаю, такие, как ты, больше всех заслуживают быть родителями, — тихо сказала Айлин.

Они строили планы. Делили комнаты в их воображаемой вилле, спорили, кто будет водить детей в сад, а кто готовить ужины по субботам. Мечтали о том, как будут жить все вместе, как будут растить детей общими усилиями, как никогда не позволят друг другу упасть.

Они были молоды. И слишком уверены, что счастье — это что-то постоянное, что-то, что остаётся навсегда, если ты достаточно хорошо за ним следишь. Что любовь достаточна, чтобы остановить время, остановить боль, остановить смерть.

Они не знали, что время уже отсчитывает последние дни этой виллы.

Сейчас, три года спустя, Айлин иногда закрывает глаза и снова видит тот двор. Жёлтые гирлянды, мягкий свет, который казался вечным. Запах дыма, который поднимался от шашлычка. Наш смех — все четверо, смешанный в один звук, который казался музыкой.

Это воспоминание — самое тёплое из всех, что у неё осталось. Потому что в тот вечер они уже были там. В той самой вилле, которую строили только словами. Они были дома. Они были вместе. Они были счастливы.

И они не знали, что это был последний раз.

В двадцать четыре любовь кажется центром вселенной.

Сердце бьётся так громко, что его ритм заглушает всё остальное. Просто стук-стук-стук, как маятник, отсчитывающий секунды до катастрофы, но ты не слышишь, потому что в ушах звучит только музыка чувств.

Они все тогда были немного «пьяны» жизнью. Молоды, красивы, верили в то, что боль — это что-то, что происходит с другими, что они избежали этого, что их любовь — избрана.

Айна встречалась с кем-то. Это чувствовалось — не нужно было видеть улики. Достаточно было видеть, как она замирала над телефоном, как менялся её взгляд: становился мягче, мягче, чем облако, чем воздух. Словно она уходила куда-то внутрь себя, в мир, где только они двое.

Её улыбка стала другой. В ней появилась тайна.

Но она ничего не рассказывала.

Она берегла это имя, этот образ, как будто боялась, что если произнести его вслух, если дать ему материальность, всё исчезнет. Как сон, который развеивается с первым лучом солнца.

Они не настаивали.

Думая: "Она расскажет сама. Когда будет готова. Когда поймёт, что мы готовы слушать, что мы на её стороне, что не важно, кого она любит — мы любим её."

Но Айна хранила молчание.

.

Глава 4. Разоблачение

Послеобеденный свет падал на столы офиса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.